

Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa. Ein Handbuch in zwei Bänden. Ausgearbeitet von einem Autorenkollektiv unter Leitung von Bruno Krüger. B. I. Von den Anfängen bis zum 2. Jahrhundert unserer Zeitrechnung. Akademie-Verlag, Berlin, 1976.

Das Handbuch по-немецки значит справочник, руководство. С появлением рецензируемой книги читатель имеет справочник по древним германцам, по всем вопросам, касающимся их истории и культуры. В 1976 г. в Берлине вышел его первый том, посвященный германцам с того самого момента, когда впервые в неясных данных письменных источников II в. до н. э., а также в археологическом материале можно уловить первые свидетельства о германцах, и до конца II в. н. э., когда они уже прекрасно известны античным авторам, а археология дает достаточно четкое представление о материальной культуре различных группировок германских племен. Справочник создан усилиями большого коллектива авторов, в основном работников Центрального института древней истории и археологии Академии наук ГДР под руководством Бруно Крюгера. Авторы в очень сжатой форме обобщают огромный фактический материал, подводят итог многолетним дискуссиям по разным проблемам, в том числе по таким сложным и трудноразрешимым, как проблема происхождения германцев, вопросы об отождествлении различных ареалов, выделяемых по археологическим данным, с теми или иными германскими или негерманскими племенами.

Построение книги более соответствует нашим представлениям о монографии, чем о справочнике. В то же время она достаточно насыщена информацией, материал освещается под разными углами зрения — историческом, социальном, экономическом, в ней много рисунков, схем и карт. Поэтому книга вполне может выполнять и предназначенную ей роль справочного издания.

После краткого вступления Б. Крюгера книгу открывает глава II «История исследования», состоящая из двух частей. В «Общем обзоре» К. Отто очень сжато дает историю изменения представлений о германцах на широком философско-социально-культурном фоне от античности до наших дней. Здесь формулируется и основная методическая посылка исследования — изучать не ряд следующих друг за другом и сосуществующих рядом друг с другом отдельных археологических культур, а изучать прошлое как единый процесс, динамичный, закономерный, основанный на примате его социально-экономической стороны (с. 95). «История культуры стала исследоваться как составная часть социально-экономической истории, а не наоборот» (с. 30). В этом ключе и стремятся работать создатели труда «Германцы». Вторая часть главы «История исследования» посвящена обзору современного состояния одной из самых сложных проблем — проблеме образования германских племен. Этот раздел написал Фриц Хорст.

В следующей главе «Античные источники» Р. Зейер сводит воедино все данные античных писателей о германцах до рубежа нашей эры, затем о германских племенах I—II вв. н. э. и о самом термине «германцы». Древнейшее достоверное свидетельство о германцах, соседях кельтов на верхнем Рейне, мы встречаем в «Истории» Посидония, охватывавшей период со 146 до 96 г. до н. э. Р. Зейер приводит серию карт расселения германских племен с IV в. до н. э. по II в. н. э.

Далее идет небольшая, но очень важная для решения вопроса о происхождении германцев глава IV — «Общественные отношения на севере Средней и юге Северной Европы перед образованием германских племен». Ее автор Ф. Хорст. Здесь дана краткая характеристика поселений и домостроительства, хозяйства и изделий эпохи поздней бронзы, показано, что так называемый «Северный круг» археологических культур не был абсолютно единым, и выделяются культурные группы Пригнитц, Иминау, Эльбско-Хавельская и др. В конце эпохи бронзы, с IX по VI в. до н. э., происходят важные перемены. Прекращается приток бронзы с юга, и население вынуждено вернуться к изготовлению орудий из камня и кости, а затем перейти к железу. Вначале это было железо, импортируемое из более южных областей, которое поступало в различные территории неравномерно. Это повлекло за собой изменения социальной структуры — наряду с обычными трупосожжениями под каменными выкладками появились могилы с более богатым инвентарем, упорядо-

ченно расположенные рядами, а также очень богатые курганы в Фольдтофте и в Зеддине.

Дальнейший ход исторического процесса прослеживается в следующей главе «Образование германских племен (с VI в. до н. э.)», археологическую часть которой — «Становление ясторфской культуры и одновременных культур в рейнско-везерской области и их географическое расположение» — написал Х. Кайлинг. Не случайно глава начинается с раздела «Гальштаттское и латенское влияние на общественное развитие». Воздействию этих культур, особенно гальштаттской, на экономические и социальные процессы в среде обитателей Центральной и Северной Европы немецкие исследователи придают большое значение. Далее Кайлинг подчеркивает, что ареал культуры Ясторф не имеет четких границ. На территории ГДР и ФРГ, а также современной Дании насчитывается по крайней мере 13 культурных групп, объединенных лишь неким единством стиля изделий, отдельных форм керамики, булавок, поясных крючков и т. д., но в то же время во многом различных. Это ясторфская культура в широком смысле слова. Внутри этих групп население размещается в свою очередь неравномерно, образуя скопления поселений и могильников в микрорегионах, границы которых определяются ландшафтом *Siedlungskammer*. Каждое такое «скопление» тоже имеет свою специфику. Собственно ясторфская культура в узком смысле слова, т. е. памятники, наиболее близкие эталонному могильнику Ясторф в округе Уельцен, охватывают лишь группы в Гольштинии, северо-восточной Нижней Саксонии, Альтмарке и западном Мекленбурге. На этой территории в районе Нижней Эльбы и в северной части Среднего Приэльбья наиболее отчетливо прослеживается преемственность культуры Ясторф от памятников эпохи поздней бронзы. Целый ряд могильников, такие, как Ланце, Ланц, Болленсен, Молькенберг, Вахов и др., использовались и в эпоху бронзы, и носителями культуры Ясторф. Прослеживается преемственность заселенности и в пределах отдельных *Siedlungskammer*.

Внутри ясторфской культуры в широком смысле существовали тесные хозяйственные контакты, что вело к определенному единству. Вместе с тем население сосредотачивалось в обособленных микрорегионах со слабозаселенными зонами между ними. И каждая область, каждая культурная группа имела свою специфику. Связывать любую такую группу раннеясторфской культуры с каким-либо политическим единством, с племенем или группой племен Кайлинг не считает возможным (с. 95). Непрерывная преемственность культуры в пределах ареала ясторфской культуры в узком смысле вплоть до того времени, когда письменные источники фиксируют здесь германцев, казалось бы, дает основание считать германцами и носителей этой культуры. Однако автор пишет: «Ретроспективный метод имеет свои достоинства, однако все же нужно твердо определить границы его применения... Без знания закономерностей исторического развития механическое применение ретроспективного метода может вести к ошибочным выводам» (с. 96). Важное значение для кристаллизации культуры Ясторф, по мнению Кайлинга, имело освоение ее носителями в последних веках до нашей эры собственного производства железа. Медленный и постепенный процесс образования германских племен восходит к раннему предримскому времени, т. е. к тому времени, когда произошли важные общественные изменения во всей Евразии и возникли такие этнические образования, как скифы, этруски, кельты. На это же время падает и выделение германской группы диалектов по данным языкознания, как показал В. Моргенрот во втором разделе главы V.

Процесс был медленным и неодновременным для разных территорий, он растянулся с V до I в. до н. э.

Глава VI содержит основные характеристики культуры Ясторф: данные о характере поселений и домостроительства, о земледелии и скотоводстве, охоте и рыболовстве, изготовлении различных изделий из железа, бронзы, дерева, о керамике и ткачестве. Специальные разделы посвящены не очень многочисленным (ввиду господства обряда трупосожжения) антропологическим данным, а также обрядам и культам. Все эти характеристики даны суммарно для всей ясторфской культуры на протяжении с VI в. до н. э. до рубежа нашей эры. Временным различиям уделено, к сожалению, очень мало места. Локальным вариациям этой культуры посвя-

щен последующий раздел — «Региональное членение культур предримского времени — племенные территории — первые миграции». Впервые появляется возможность сопоставить отдельные археологические группы с разными племенами, хотя такое сопоставление становится вполне обоснованным лишь для самого конца рассматриваемого периода. Так, данные письменных источников о херусках соответствуют Нинбургерской группе на Везере и Аллере, о лангобардах — группе в низовьях Эльбы, о семнонах — группе Средней Эльбы — Хавеля, о гермундурах — группе между речья Эльбы — Заале. Здесь же приведены данные письменных источников о войнах кельтского племени бойев, а затем римлян в 113—102 гг. до н. э. с кимврами, тевтонами и амбронами, а также о племенном союзе германцев-сэвов и их вожде Ариовисте, появившихся на Рейне в 72—58 гг. до н. э.

Заключает VI главу очерк, посвященный ситуации, сложившейся в Германии после походов Ариовиста, характеристике так называемого переходного времени, «горизонта Гроссромштедт», «прогнутых фибул», «ступени А» и т. д., периода, охватывающего в абсолютных датах промежутки приблизительно от 50—30-х годов I в. до н. э. до 10—30-х годов н. э. Это время многочисленных военных столкновений германцев с Римом, время перемен и последующей унификации культуры германцев, ее территориального расширения. Широко распространяется обряд погребения с оружием, появляются отдельные могильники мужские (тип Ристе) и женские (тип Дарцау), входят в моду красивые чернолощенные высокие сосуды ситулы (Trichterrandgefäße) фибулы среднелатенской схемы вытесняются позднелатенскими прогнутыми (Geschweiftefibel). В начале периода ощущается воздействие восточных соседей, носителей пшеворской и оксывской культур, вплоть до проникновения их отдельных групп далеко на запад, до Майна. Этому процессу, совпадающему по времени с появлением сэвов Ариовиста на Рейне, авторы не придают большого значения и говорят о нем вскользь. В целом для этого горизонта «Гроссромштедт» с рубежа нашей эры характерно сильное влияние кельто-римских областей Норика и Паннонии и германско-кельтских Чехии и Моравии. При расширении своей территории на запад и на юг в этот «переходный период» и раньше германцы ясторфской культуры сталкивались с группами другого населения, кельтского или некельтского, но кельтизированного, с народами «между кельтами и германцами». Включение этих народов в процесс формирования отдельных германских племен, а также постоянные передвижения отдельных групп германцев в различных направлениях во время походов против римлян и при отступлении под давлением римских легионов весьма осложняет этнокультурную картину и затрудняет этнические определения различных культурных групп.

Далее, получив дополнительные данные о кельтах и кельто-германских отношениях (VII глава, автор К. Пешель) и об общественной структуре германских племен в последние столетия до нашей эры (VIII глава, авторы Б. Крюгер и Х. Зейер), читатель вступает в собственно римское время.

Глава IX — «Взаимодействие общинно-родового строя германских племен и римского рабовладельческого строя». Ее написали Ф. Вебер и Р. Лазар и построена она в основном на материалах письменных источников, а не на археологическом материале. Здесь читатель найдет и характеристику экономического и политического положения Рима эпохи поздней Республики и Принципата, и описание римско-германских отношений от первых столкновений с германцами Юлия Цезаря до завершения строительства римского лимеса во II в. н. э., и данные о походах Друза, Тиберия, Германика, батавском восстании и о других событиях. Заключает главу раздел «Экономические последствия римско-германских отношений», где рассматривается воздействие римлян на сельское хозяйство, технику и торговлю германцев.

Общая характеристика материальной и духовной культуры германцев I—II вв. н. э. дана в главе X, где описываются поселения и домостроительство, предметы повседневной жизни, одежда и украшения, оружие. Специальные разделы посвящены искусству, культам, идеологии германцев. Во второй части этой главы дается характеристика локальных групп населения этого времени и делается попытка определения их племенной принадлежности. В одних случаях это удается достаточно просто, например с лангобардами, жившими в это время на левом берегу

нижнего течения Эльбы, или семнонами на Хавеле; для некоторых групп не находится подходящего племенного наименования, например для группы в Пригнитце; ряд племен не находит достаточно точных археологических соответствий, а некоторые сопоставления вызывают возражения. Особенно это касается ругиев и лемовиев, помещенных в низовьях Одера. В таком случае не остается места для многочисленных племен лугиев и для готовов. Поэтому на картах Р. Зейер им не нашлось места (рис. 5). А эти племена играли заметную роль в политической жизни Европы I в. н. э. Благодаря призванному римлянами вождю готовов Катувальде было разрушено в 19 г. могущественное «царство» Марбода на территории Чехии, а спустя 30 лет гермундуры и лугии разгромили квадское царство ставленника римлян Ванния в Словакии. Текст «Германии» Тацита (43—44), дающий размещение народов Центральной Европы, дает определенные основания для локализации этих племен. От маркоманнов и квадов, жителей Чехии и Моравии или Словакии, его взгляд направлен на северо-восток. Котины, осы и буры — жители Карпатской котловины и самих Карпат, они «обосновались... на вершинах гор и горных цепей». Далее — лугии, а за ними готовны, а затем, у самого «океана» — ругии и лимовии. Сопоставление многочисленных лугиев за горами с пшеворской культурой или ее частью представляется вполне логичным. Тогда готовов, ругиев и лемовиев нужно искать в составе достаточно гетерогенной и имеющей многообразные связи с Позльбьем и Данией, вельбаркской культурой.

К сожалению, весь раздел о культуре германских племен I—II вв. не проиллюстрирован картой, которая наглядно показала бы размещение различных культурных групп, а общая карта памятников лишена подразделения на группы.

Авторы на протяжении всей книги остаются верны выбранному ими направлению исследования — социально-экономическому. Поэтому следующая глава посвящена реконструкции экономического базиса германских племен I—II вв. на основании как письменных, так и археологических источников с привлечением данных биологии. Отдельные ее разделы рассматривают виды выращиваемых растений, способы обработки земли и уборки урожая, породы домашнего скота и состав стада, производство соли, изготовление предметов домашнего обихода, производство и обработку железа, изготовление изделий из цветного металла, ткачество, обработку дерева, кож, кости и т. д., а также характер торговли и обмена.

Затем, естественно, следует глава о надстройке — общественном устройстве, его развитии и структуре. Прослежено, как нарастает процесс имущественного расслоения, как выделяется прослойка военных вождей, вначале совпадающая с родо-племенной аристократией, но приобретающая все более самостоятельное значение, обрастающая дружиной, члены которой часто порывают родо-племенные узы. Эта прослойка, сделавшая войну своей профессией, становится определяющей силой, что приводит к этнополитической перегруппировке. Часть племен исчезает с политической арены, появляются новые, образуются тесно спаянные племенные союзы. Меняется политическая карта, происходят новые передвижения, усиливается давление на римский лимес.

Политическим проявлением этих процессов и посвящена XIII глава «Столкновения внутри Германии и нападения на римские провинции». Заключает книгу, в соответствии с заданным ключом исследования, краткий очерк «Уровень развития общинно-родовых производственных отношений к концу II в. н. э.», который мог бы быть уже вводной частью к следующему тому, потому что это уже новый этап общественного развития, с этого момента германцы вступили в новый период, «позднеримский».

Основное достоинство рецензируемого труда, кроме того, что в нем достаточно удачно обобщен огромный материал, и он теперь долго будет служить отправной точкой для всякого, кто захочет что-нибудь узнать о германцах, — в его социально-экономической направленности. В германистике это новый угол зрения, и он оказался перспективным, позволив по-новому осветить с этой позиции целый ряд фактов и явлений, в частности проблему становления германских племен. Отрадно, что в исследовании этой стороны исторического процесса социально-экономический базис не постулируется абстрактно, а исследуется очень конкретно, на конкретном материале, с постоянным привлечением данных о природных условиях, ландшафтных

зонах, почвах и т. д., в результате чего все социальные, политические и этнические процессы наконец как бы спустились на землю.

Приятен сам тон книги, тон объективности, осторожности выводов, хорошего научного скептицизма и основательности. Вместе с тем рецензируемая книга вызывает два критических замечания. Первое — в области хронологии. Издавна немецкие ученые наряду со шведами были основными хронологистами, создававшими европейскую систему хронологии. В последние годы вкус к исследованиям такого рода у археологов ГДР в какой-то мере, к сожалению, утратился, что и сказалось в данной работе. Здесь очень была бы нужна еще одна или две главы, специально посвященные вопросам хронологии эпохи латена и раннего римского времени, обобщающие на современном уровне знаний проблему членения древностей на ступени относительной хронологии и их привязки к хронологии абсолютной; проблемы определения начальной даты позднего латена, датировки Манхинга и горизонта Гроссромштедт, начала римского времени и членения эггерсовских ступеней В₁ и В₂. Введя такую главу, в остальных разделах можно было бы пользоваться терминологией относительной хронологии, что более правильно, чем непосредственное обращение к абсолютным датам. Почему-то не были использованы выводы интересной работы Р. Волангевича об изменениях направления и истоков римских импортов на земли к северу от Дуная¹, хотя она и упоминается в списке литературы.

Достаточно подробно описывая события на западной и юго-западной границе Германии Либера, авторы лишь вскользь говорят о маркоманнах Чехии и квадах Словакии. А роль населения этих земель и событий, происходивших здесь, была отнюдь не последней в формировании культуры германцев римского времени.

Вторая претензия состоит в том, что постулировав необходимость исследования не отдельных культур, а единого исторического процесса, авторы не вполне последовательны, и процессы, протекавшие к востоку и юго-востоку от основного массива германских племен, искусственно исключили из рассмотрения. Картина получилась неполной. В результате и произошли некоторые неувязки, о которых говорилось выше. Ряд германских или, во всяком случае, называемых в античных источниках германскими, племен выпал из поля зрения исследователей — готы, луги, бастарны. Справочник «Германцы» оказался неполным. Безоговорочно приняв концепцию Ю. Костшевского о венецкой принадлежности пшеворской и оксывской культур, ныне поддерживаемую далеко не всеми польскими учеными, и исключив на этом основании обе культуры из рассмотрения, авторы неоправданно сузили рамки своего исследования.

Авторам следовало бы заново рассмотреть старые дискуссионные вопросы и попытаться решить их на новой методической основе, как это и сделано ими при рассмотрении племен майнско-рейнско-везерского междуречья, которые были германцами по названию, возможно, по языку, лишь частично по культуре и не были германцами по происхождению. На востоке процесс был несколько иным, еще более сложным, имел иные результаты, и восстановление его хода могло не входить в задачи авторов. Это дело их польских и чешских коллег, но краткая обрисовка ситуации, постановка вопроса, сопоставление с процессами, протекавшими на Эльбе, были бы в справочном издании вполне необходимы и уместны.

Трудно понять ход исторического процесса в Центральной Европе, если не учитывать его ход в среде германских племен Скандинавии. Существовал, очевидно, целый ряд важных взаимных контактов и взаимодействий. Эти вопросы тоже слабо освещены в «Германцах».

Впрочем, вряд ли следует ставить в вину авторам то, чего они не сделали. То же, что они сделали, сделано добросовестно, на высоком профессиональном и методическом уровне, в ряде случаев мастерски. Книгой «Германцы», безусловно, еще долго и широко будут пользоваться, и то, что она является весомым вкладом в науку, не подлежит сомнению.

М. Б. Щукин

¹ *Wolangiewicz R. Nap'yw importow rzymskich do Europy na po'noc od srodkowego Dunaju.* — AP, t. 15, z. 1, 1970.